

ЗАСЛУЖЕННЫЙ КОЛУМБ РОССИИ

Познер на все времена

Обостренная любознательность — необходимое качество журналиста: пока ему все интересно, он не скучает жить и работать. Но эта любознательность очень мешает в том достаточно редком случае, когда у самого журналиста берут интервью. Мы назначили Владимиру Познеру встречу в бутике Montblanc. В результате часть отведенного на интервью времени не корреспондент РW расспрашивала Познера, а он сам после внимательного осмотра витрин бутика в своей неподражаемой, хорошо знакомой всем телезрителям страны манере — обворожительно, вежливо, но очень настойчиво — задавал вопросы менеджеру по связям с общественностью Montblanc Анне Шавровой и консультантам бутика. Редакция решила напечатать и эту часть разговора, ведь его вел один из лучших интервьюеров страны

DNT
ANC

Познер спрашивает

— Я и не знал, что вы выпускаете еще и часы!

Для меня эта марка всегда ассоциировалась с ручками. Значит, вы теперь выпускаете часы?

— Montblanc — потрясающий пример солидной часовой компании, чья история рождается у нас на глазах. За короткое время марка не только сумела создать собственный, узнаваемый стиль, но и стала действительно авторитетным и признанным производителем часов. Сейчас компания переживает следующий, пожалуй, самый важный период в развитии часового направления — создает собственное мануфактурное производство. В 2006 году Montblanc приобрела знаменитую мануфактуру Minerva, которой в этом году исполняется 150 лет. Калибры Minerva будут работать только в часах Montblanc. А в апреле 2008 года на Salon International de la Haute Horlogerie в Женеве состоялась презентация первого хронографа Montblanc с механизмом, разработанным и полностью произведенным в собственных мастерских компании. Новый хронограф получил название Monopusher Montblanc Star Nicolas Rieussec.

Теперь у компании есть все необходимое для того, чтобы стать элитным брендом Haute Horlogerie.

— Знаете, у меня есть дорогие часы, они номерные, их всего выпущено 88 экземпляров, они золотые и стоили порядка 25 тысяч евро. И то мне их подарили, я вряд ли бы купил такие сам. А у вас я видел часы за 378 тысяч рублей и дороже — что это такое? Почему так дорого?

Ну я понимаю: золото, ну механизм и еще какие-нибудь навороты, вроде турбийона.

— В отличие от других марок, у Montblanc нет часов с большим количеством, как вы сказали, «наворотов» или, как это называется, les grandes complica-

tions. В наших часах используются механизмы очень высокой точности. Часы Montblanc — это классика и точность. Отсюда и высокая цена.

— Вот это самое главное: часы должны показывать время, по возможности точно. Я очень люблю часы. Это замечательный предмет, изумительно сделанный.

— Кто-то хорошо сказал, что механические часы — это второе сердце, которое бьется у вас на запястье. Меня вообще восхищают механические часы: столько разных колес и механизмов, которые действуют слаженно и сообща! Непостижимо, как люди такое придумали.

— Хорошо, а почему у вас здесь на стене висит портрет Одри Хепберн? Разве она как-то связана с вашей маркой?

— Нет, но на протяжении долгого пути своего существования компания Montblanc приобрела славу покровителя искусств. Сфера ее благотворительной и спонсорской деятельности достаточно широка. Одно из направлений — помощь молодым художникам. В рамках этого проекта более 330 бутиков Montblanc в самых разных странах мира превращаются в художественные галереи. И здесь в течение полутора месяцев выставляется какое-нибудь одно произведение искусства — своеобразное художественное переосмысление всемирно известного логотипа, звезды Montblanc. В дальнейшем такие репродукции мы выставляем в витринах бутиков Montblanc, а оригинал становится частью коллекции «Cutting Edge Art Collection!» в Гамбургской галерее современного искусства. Отбирают участников и их произведения международные эксперты, те, кто действительно считается признанным авторитетом в мире искусства.

Портрет Одри Хепберн — работа одного из таких художников.

— Это моя любимая актриса. Она прекрасна, но главное — и это очень большая редкость — у нее есть стиль, свой неповторимый стиль.

— Я ее обожаю!

(Тут, испугавшись, что разговор грозит далеко отклониться от намеченного курса, корреспондент PW наконец решилась вмешаться.)

Познер отвечает

— Владимир Владимирович, а зачем нужно носить часы? Вот в телефоне есть часы, на панели автомобиля...

— Это совсем не то! Часы в телефоне меня не интересуют, телефон — чтобы разговаривать или посылать эсэмэски. То же самое ручки: ручка должна быть хороша в письме. А кварцевые часы я вообще не понимаю. Мне нравится заводить часы, сам процесс.

— А в ручку нравится чернила набирать?

— Конечно. Я люблю чернила, перья. Почерк ведь совершенно другой! Когда вы пишете шариком — все нивелируется; нет нажима — ничего нет. Сейчас все вообще разучились писать. В свое время в советских школах разрешали писать только пером, обмакивая его в чернила, и так почерк вырабатывался. Я вырос не здесь, но когда я должен был учиться в советской школе, чтобы получить аттестат зрелости, то у меня были чернила, мои любимые фиолетовые, и перо «уточка» — самое лучшее, им можно было с нажимом писать.

— И для вас по-прежнему перьевая ручка — орудие труда?

— Когда я пишу что-то большое, то, конечно, делаю это на компьютере. Но когда я пишу письма — а я люблю эпистолярный жанр, хотя он тоже потихоньку погибает, — то пишу только ручкой. Я люблю или очень тонкое перо, потому что у меня мелкий

почерк, либо толстое — оно подходит для чего-нибудь особенного.

— Для красивого автографа подходит. А что вы думаете о том, что производители дорогих ручек и часов любят говорить, что делают вечные вещи, которые вы можете передать своим детям? Но дети не слишком любят вещи родителей.

— Мне кажется, что вы не правы: при нормальных отношениях всегда хочется что-то сохранить от родителей. Вот моего отца давно нет, но осталось несколько его вещей, и они для меня дороги. Скажем, солдатский пояс, который он носил в 1939 году, когда служил во французской армии. Я берегу его как зеницу ока, время от времени ношу, но очень осторожно, потому что это старая вещь. У меня нет, к сожалению, папиных часов, они достались моему младшему брату. Вопрос не в том, что вещи дорогие, а в том, что они принадлежали дорогому человеку. Может быть, есть дети, которые не дорожат вещами своих родителей, но я их не понимаю.

— Конечно, дело не в цене, но разве можно сохранить одноразовую ручку или штампованные часы? Они ломаются, их теряешь. А вот ручкой или часами от того же Montblanc будешь дорожить, бережно к ним относиться.

— Тут вы правы. У меня порядка восьми — десяти пар часов, есть среди них дорогие — в основном это подарки, и что-то около двадцати пяти ручек разных марок. И я знаю, что они останутся после меня, и моим детям — их у меня двое — они будут дороги.

(Тут корреспондент PW наконец решилась перевести разговор на тему номера и распросить Познера о путешествиях. Но здесь разговор все время сбивался с курса: Познер, давно замечено, говорит только о том, что сам считает важным.)

Познер рассказывает

— Вы для нас Колумб, все время открываете нам Америку. Последний раз вы пересекли всю страну по маршруту Ильфа и Петрова. Что-нибудь новое открыли для себя?

— Ничего более восхитительного я не переживал. Было трудно: работали по шестнадцать часов, пересекали гигантские расстояния. Но это путешествие стало исполнением мечты. Не только я, но даже мой напарник, не Ваня Ургант, а стопроцентный американец мистер Адамс, который жил в разных местах страны, — даже он открывал для себя Америку. Понимаете, мы все живем в своей среде, видим ограниченное количество лиц, мы обычно не разговариваем ни с работниками бензоколонки, ни с медсестрами. А в этой поездке у нас была именно такая цель. И тут для меня главное открытие, хотя я вроде это всегда знал, — открытость американцев, готовность разговаривать не оглядываясь, говорить то, что они думают. И при этом почти полное отсутствие любопытства. Отвечать — пожалуйста, а спрашивать им неинтересно. Для них, кроме Америки, нет мира. Я не говорю об интеллигенции — там другой уровень. Но обычные люди готовы говорить о себе с полной внутренней свободой, не боясь никого и ничего, но у них полностью отсутствует любопытство к чужой жизни. Если эта другая жизнь им не угрожает. Вот и СССР — могучая ядерная держава — им угрожал и был интересен. А теперь мы им не угрожаем — и неинтересны.

— Вы когда-то рассказывали, что когда приехали в СССР и пересекли границу в Бресте, то сразу поняли, что попали совсем в другой мир. А сейчас для американцев или европейцев мы по-прежнему другой мир?

— Это интересный вопрос. Когда куда-то приезжаешь, во Францию или в Германию, и видишь россиян, то они прежде всего с радостью говорят: «Здесь наших нет». И меня это потрясает. Услышать подобное от француза или англичанина невозможно. А у граждан России какое-то пренебрежительно высокомерное отношение к своим же согражданам. Сказать, что русские за границей сейчас выглядят или ведут себя хуже, чем другие, я не могу, хотя действительно были такие времена, но они прошли. Нелюбовь к собственной стране и соотечественникам проявляется у нас иногда таким образом, что я теряюсь. Но Россия — это европейская страна, я утверждаю это на основе важных вещей — литературы, музыки, живописи, в которых выражена душа нации. Конечно, мы не азиаты и не византийцы, а европейцы, которые прожили очень серьезную историю, но все же интерес к стране определяется сочетанием разных факторов, и для Европы Россия становится все интереснее. Конечно, годы изоляции дают о себе знать, нас долго боялись, нас не знали. И когда итальянец ведет себя не так, как надо, то он не обращает на себя такого внимания, как русский, который что-то неправильно делает.

— Но, может быть, наша любовь к красивым и качественным вещам, к дорогим маркам — это тоже способ почувствовать себя европейцем?

— Надо понимать, что такое голод. Если говорить об Америке, то там вещизма нет, накушались. В Европе еще не так накушались, у них другие представления о приоритетах. А в России желание иметь самое дорогое и самое модное — это еще и проявление неудовлетворенного голода.

— Но это же очень хорошо — удовлетворить голод.

— Не всегда. Когда ты сидишь за столом на двенадцать мест и перед каждым стоит золотая зажигалка — это неприятно и смешно. По этому поводу есть много анекдотов.

— **Вы в этом телепутешествии по Америке всегда хорошо выглядели — и в джинсах, и в смокинге. А вот видели вашего спутника Ваню Урганта, фантастически обаятельного и прекрасного, и казалось, что как только он натянул на себя костюм, то сразу же из него немножко вырос. Умение носить вещи — это талант или вы специально работали над собой?**

— Думаю, что это отчасти врожденное. Например, мой папа всегда прекрасно одевался. Его отца я не знал, но папа говорил, что его отец мог носить какую-то вещь десять лет и прекрасно при этом выглядеть. Я всегда обращал внимание, что у моего отца была очень красивая одежда и всегда вычищенные ботинки. Это данность. Вот зубы ты чистишь по утрам, и туфли всегда должны быть чистыми, а брюки выглаженными. И мама моя была необыкновенно элегантной дамой. Знаете, когда-то я был в Вильнюсе, и там восстанавливали старый город, вручную, — вынимали каждый старый кирпич, реставрировали его и ставили обратно. Это было безумно дорого и долго. Я тогда спросил архитектора: зачем так возиться, легче же снести и построить что-то новое? На что он мне сказал: «Люди, которые растут в этой красоте, — это другие люди». А потом я посмотрел фильм «Механический апельсин» — о тех молодых, которые выросли в мире, где все одинаково. Так что если ты растешь в определенной среде, то принимаешь ее законы. И когда ты красиво одет, то чувствуешь себя комфортно. Конечно, надо уметь носить вещи, на некоторых смокинг выглядит очень смешно. Но я над таким умением сам не работал, я счастлив, что мои родители надо мной работали.

— **А вот всякие дополнения — ремни, портмоне, запонки — вы тщательно выбираете?**

— Я не выбираю. Нравится вещь — покупаю и не думаю, модная она или нет. У меня есть красивые запонки. Одни мне подарил мой дядя, другие — моя жена. Мне приятно, что это подарки дорогих мне людей. Мне кажется, что люди, которые слишком много уделяют этому внимания, так избывают свои комплексы.

— **Но если людям прибавляют уверенности в себе, скажем, вот такие запонки от Montblanc, то это и хорошо.**

— Я абсолютно с вами согласен. Более того, пока ты чего-то в себе не преодолел, ты не можешь идти дальше. Нельзя же говорить очень голодному человеку: не хватай, ешь мало и медленно. Ему не до этого. Пускай насыщаются, пускай ездят на шопинг, пусть утверждают. Хотя некоторые утверждают без чувства вкуса и соразмерности.

— **Владимир Владимирович, почему-то мы все отвлекаемся на разговор о вещах. Но ведь вещи тоже открывают нам мир, и сами красивые, сложные вещи, такие как уникальные часы и ручки, — это целый мир. Времени у меня остается только на один вопрос, так что скажите: остались ли еще на Земле места, где вы не были и куда хотите поехать?**

— Что вы, что вы! Так много мест, где я не был! Путешествия для меня — это удовольствие номер один в жизни. Вообще, я считаю, что деньги нужны людям по трем причинам. Во-первых, чтобы быть свободным. Во-вторых, чтобы быть спокойным за своих близких. И чтобы получать удовольствие — путешествовать. Я мало был в Латинской Америке, и мне туда хочется поехать. Я почему-то странным образом безумно хочу попасть в Исландию — не знаю, но тянет меня туда. Меня тянет Черная Африка. Я был там, поднимался на Килиманджаро — это Кения, Танзания. Было очень интересно и страшно, там опасно. Я очень мало был в Японии, всего один раз. Ну еще, знаете, что меня раздражает? Когда я не могу разговаривать. Я говорю на нескольких языках. Вот в Швеции, зная немецкий и английский, я не пропаду, а вот в Венгрии... Я им говорил, что нет у них никакого языка, просто они специально так говорят, чтобы никто их не понимал. А в Японии — там просто два языка. Мужской — резкий: хай, вай, тум! И нежный — женский: ую-ую, май, тай-у. Ничего не понимаю, но меня очень привлекает эта страна, я о ней много читал. Хочется поехать туда надолго, одному, как-нибудь жестами придется объясняться. А Китай вот мне неинтересен, это ведь тоталитарная страна. А в тоталитарной стране я очень долго жил.

Беседовала Ольга Орешина

Pen World

ЖУРНАЛ О МИРЕ ПИСЬМА ДЛЯ ЦЕНИТЕЛЕЙ РОСКОШИ

Эти и другие материалы журнала «Мир Ручек»
Вы можете найти на сайте www.ElitePen.ru

Copyright © ООО «Мир Ручек»

Все права на материалы охраняются в соответствии с законодательством РФ.
Любое использование возможно только с письменного разрешения правообладателя.